

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 9 СТАТЬИ
1087.2 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ НА
ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ РУДИКА ХОДЖОЯНА И АРТЕМА ХОДЖОЯНА**

г. Ереван

16 июня 2020 г.

Конституционный Суд в составе Г. Товмасыана (председательствующий), А. Гюлумян, А. Диланяна, Ф. Гохяна, А. Туняна (докладчик), А. Хачатряна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

представителя заявителей Рудика Ходжояна и Артема Ходжояна – А. Кивиряна, привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания К. Мовсисяна,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции, статьям 22, 40 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 9 статьи 1087.2 Гражданского кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Рудика Ходжояна и Артема Ходжояна”.

Гражданский кодекс Республики Армения (далее – Кодекс) принят Национальным Собранием 5 мая 1998 года, подписан Президентом Республики 28 июля 1998 года и вступил в силу с 1 января 1999 года.

Часть 9 статьи 1087.2 Кодекса, озаглавленной **“Порядок и условия компенсации нематериального вреда, причиненного вследствие нарушения основных прав и несправедливого осуждения”**, устанавливает:

“Требование о возмещении нематериального вреда может быть предъявлено в суд как вместе с требованием о подтверждении нарушения права, установленного частью 2 статьи 162.1 настоящего Кодекса, с момента, когда лицу стало известно о нарушении, так и в течение одного года после вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего нарушение этого права, или после того, как этому лицу стало известно о неотменном и необжалованном решении, принятом следователем или прокурором, об отказе в возбуждении уголовного дела на неоправдываемом основании или неосуществлении уголовного преследования или прекращении производства по уголовному делу или прекращении уголовного преследования”.

Упомянутая статья Кодекса была изменена в соответствии с Законом от 19 мая 2014 года НО-21-Н, Законом от 21 декабря 2015 года НО-184-Н и Законом от 16 декабря 2016 года НО-241-Н.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 20 января 2020 года обращение Рудика Ходжояна и Артема Ходжояна.

Изучив обращение и приложенные к нему документы, письменное объяснение ответчика, другие имеющиеся в деле документы, а также относимые положения Кодекса, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителей

Согласно заявителям, “по смыслу статьи 162.1 Гражданского кодекса РА, нематериальным вредом является физическое или нравственное страдание”.

По их мнению, включив указанную норму в Гражданский кодекс Республики Армения, законодатель преследовал цель защитить не только имущественные права лица, но и связанные с лицом неимущественные права. Это в свою очередь означает, что государство должно предусмотреть механизмы надлежащей защиты данных прав.

Обращаясь к значимости закона, заявители считают, что он призван выражать и защищать права лица. Иначе говоря, закон должен вытекать из прав человека, а не ограничивать их.

Обращаясь к оспариваемому положению, заявители отмечают, что, в отличие от предусмотренного для возмещения нематериального вреда годового срока, для предъявления требования о возмещении материального вреда действует общий трехлетний срок исковой давности. Один из заявителей отмечает, что законодатель предусмотрел не

только срок предъявления требования о возмещении нематериального вреда, но также “подчинил” его процессуальному сроку, предусмотренному для предъявления требования о возмещении материального вреда.

В связи с этим заявители хотят сделать предметом рассмотрения правомерность срока исковой давности, установленного для предъявления требования о возмещении нематериального вреда, поскольку это ведет к правовой неопределенности, одновременно нарушая право лица на защиту своих нарушенных прав в судебном порядке.

Заявители считают, что предусмотренный для предъявления требования о возмещении нематериального вреда годичный срок не является разумным и оправданным.

Заявители отмечают, что до установления годичного срока законодателем в статье 1087.2 Кодекса был установлен шестимесячный срок, и положительно оценивают это обстоятельство, тем не менее, согласно заявителям, он не обеспечивает в достаточной степени право лица на обращение в суд и право на получение надлежащей судебной защиты и, следовательно, противоречит Конституции.

По мнению заявителей, международная практика развивается в прямо противоположном направлении. В некоторых государствах для предъявления требования о возмещении нематериального вреда какой-либо процессуальный срок не предусмотрен, а те государства, где он существует, стоят на пути его исключения посредством правоприменительной практики. Цель одна – защитить нравственную неприкосновенность человека, не обременяя его излишними процессуальными сроками.

В связи с этим заявители считают, что нематериальный вред – это нравственное страдание, а “нравственное страдание не может регулироваться императивными нормами и строго процессуальными сроками, поскольку нравственное страдание, период нравственных страданий и сроки их преодоления весьма индивидуальны”.

Кроме того, заявители обращаются к прецедентной практике Европейского суда по правам человека, согласно которой статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает непосредственное описание закрепленного статьей 1 Конвенции обязательства государства, а именно, прежде всего защищать права человека и только после – свою правовую систему.

Исходя из вышеизложенного, заявители просят Конституционный Суд признать часть 9 статьи 1087.2 Кодекса противоречащей статьям 1, 3, 60, 61, 62, 63, 75, 78, 80 и 81

Конституции и недействительной, поскольку она устанавливает годичный срок для предъявления требования о возмещении причиненного лицу нематериального вреда.

2. Позиции ответчика

Ответчик отмечает, что осуществление права на судебную защиту основывается на принципе диспозитивности, который является установленной законом возможностью лица по собственному усмотрению распоряжаться своими материальными и процессуальными правами и выбирать способы их защиты, то есть человек сам решает, обращаться за защитой своих прав, свобод и законных интересов в суд или не обращаться, реализовывать или не реализовывать свое право на судебную защиту, самостоятельно определять, в частности, предмет, объем, основание своих требований по возбужденному иску. В то же время лицо при осуществлении своего основного права на судебную защиту, а также суды при отправлении правосудия должно руководствоваться порядком, установленным законодательством для данной формы судебной защиты.

Ссылаясь на правовые позиции Европейского суда по правам человека, ответчик отмечает, что право на судебную защиту, часть которого составляет право на доступность суда, не является абсолютным и может подвергаться ограничениям. Ограничение считается соответствующим части 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если оно преследует правомерную цель и если существует разумная соразмерность между примененными средствами и преследуемой целью.

Согласно ответчику, установленные государством ограничения в сроках преследуют определенные важные цели, в частности гарантирование правовой определенности, защиту вероятного ответчика от просроченных исков, в случае которой будет сложно предотвратить несправедливость, которая может произойти, если суды будут вынуждены рассматривать произошедшие в далеком прошлом события на основании тех доказательств, которые могут быть ненадежными или недостаточно полными из-за того, что прошло достаточно много времени.

Обращаясь к правовой значимости исковой давности, ответчик отмечает, что лицу, права которого были нарушены, предоставляется вполне определенный, но в то же время достаточный срок для судебной защиты своих прав.

Ответчик также отмечает, что право на доступность суда в определенных условиях также может подлежать таким правомерным ограничениям, как сроки давности, постановления относительно обеспечения судебных расходов или требование юридического представительства.

Ссылаясь на прецедентную практику Европейского суда по правам человека, ответчик находит, что в аспекте ограничения сроков государства обладают дискреционными полномочиями решать, как должна быть ограничена доступность суда. Причем подобный подход не является самоцелью и вытекает из принципа соразмерности, поскольку призван уравновесить равноправие сторон судопроизводства, поэтому и речи быть не может о неправомерном ограничении конституционных прав. Нет никакого противоречия между установлением определенных сроков исковой давности и предусмотренным частью 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правом на справедливое судебное разбирательство. Государства сами посредством внутригосударственного законодательства устанавливают конкретные сроки исковой давности, что полностью соответствует сути статьи 6 Конвенции.

Кроме того, ответчик считает, что оспариваемое положение удовлетворяет также требованиям, предъявляемым правовому закону, учитывая, что оно достаточно предсказуемо, соответствует принципу правовой определенности, то есть сформулировано достаточно четко.

Исходя из вышеизложенного, ответчик считает, что часть 9 статьи 1087.2 Кодекса соответствует Конституции.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Учитывая то обстоятельство, что заявители оспаривают возможность предъявления предусмотренного пунктом 9 статьи 1087.2 Кодекса требования о возмещении нематериального вреда в течение одного года, Конституционный Суд обратится к конституционности только указанного срока.

В связи с этим Конституционный Суд считает необходимым обратиться к следующим вопросам:

1. Нарушает ли установление срока предъявления требования о возмещении нематериального вреда основное право на возмещение вреда, закрепленное статьей 62 Конституции?

2. Является ли предусмотренный оспариваемым положением годичный срок процедурой, необходимой для эффективного осуществления основного права на возмещение нематериального вреда с точки зрения статьи 75 Конституции, взаимосвязанной с закрепленным в части 1 статьи 61 Конституции основным правом на эффективную судебную защиту?

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. Статья 62 Конституции устанавливает:

“1. Каждый имеет право на возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями или бездействием, а в установленных законом случаях – также правомерным администрированием государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц. **Условия и порядок возмещения вреда устанавливаются законом.**

2. Если осужденное за совершение преступления вступившим в законную силу приговором суда лицо оправдано на основании того, что новое или вновь открывшееся обстоятельство доказывает неправомерность его осуждения, то это лицо имеет право на получение возмещения в соответствии с законом, если не доказывается, что своевременное выявление этого обстоятельства полностью или частично зависело от данного лица”.

Изучение упомянутой статьи Конституции свидетельствует, что в силу Конституции право требования возмещения вреда как основное право включает также правомочие возмещения нематериального вреда, нанесенного **вследствие как неправомерного уголовного преследования, так и неправомерного осуждения.**

В соответствии с требованиями Конституции условия и порядок возмещения вреда, в том числе нематериального, устанавливаются законом.

Составной частью порядка возмещения вреда является также срок предъявления требования о возмещении. В соответствии с этим законодатель установил срок предъявления требования о возмещении нематериального вреда – один год. В то же время, учитывая особенности нематериального вреда, а также необходимость обеспечения эффективного возмещения такого вреда, Конституционный Суд считает необходимым более подробно

рассмотреть характер нематериального вреда и правовые регулирования касательно его возмещения.

Конституционный Суд в Постановлении от 05.11.2013 г. ПКС-1121 отметил, что “...моральный ущерб и возможность материальной компенсации морального ущерба следуют из конституционно-правовых подходов к вопросу защиты прав человека. Так, часть 1 статьи 3 Конституции РА устанавливает, что “человек, его достоинство, основные права и свободы являются высшей ценностью”. В связи с этим Конституционный Суд находит, что одним из стержневых элементов достоинства человека, в числе прочего, является обусловленное индивидуальными признаками предотвращение нравственных страданий”.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд в рамках настоящего дела особое значение придает вопросу о том, на самом ли деле при определении нематериального вреда учитываются физические и нравственные страдания, причиненные лицу только в период уголовного преследования.

Статья 1087.2 Кодекса предусматривает порядок и условия возмещения нематериального вреда, причиненного вследствие несправедливого осуждения. В соответствии с этим при определении размера возмещения нематериального вреда суд учитывает характер, степень и длительность физического или психического страдания, последствия причиненного вреда, наличие вины при причинении вреда, индивидуальные особенности лица, которому был причинен нематериальный вред, а также другие относимые обстоятельства. То есть все те обстоятельства, которые в конечном итоге стали основой нравственных страданий человека и повлияли на глубину этих страданий.

Что касается международного опыта, то Конституционный Суд констатирует, что Европейский суд по правам человека в решении, вынесенном по делу “Погосян и Багдасарян против Армении” (жалоба номер 22999/06 от 12.06.2012 г.), отметил: “...Суд считает, что цель статьи 3 Протокола номер 7 не только в восстановлении материального ущерба в случае вынесения неправильного обвинительного приговора, но и предоставление осужденному вследствие осуществления ненадлежащего правосудия лицу возмещения в части любого нематериального вреда, например за **тревогу, беспокойство, неудобства и потерю интереса к жизни**”.

Толкование статьи 3 Протокола номер 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в Пояснительном докладе к тому же Протоколу имеет следующее

содержание: “...компенсация выплачивается в соответствии с национальным законодательством или практикой”.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд считает, что подлежащий возмещению нематериальный вред причиняется человеку в рамках уголовного преследования. В то же время причиненные душевные страдания могут носить постоянный характер и должны быть учтены для установления справедливой компенсации, что не предполагает, что нематериальный вред причиняется также после прекращения уголовного преследования.

Что касается порядка возмещения вреда, то, по оценке Конституционного Суда, процедура возмещения вреда, **механизм и сроки подачи требования о возмещении вреда**, по смыслу второго предложения части 1 статьи 62 Конституции, очевидно являются **элементами порядка возмещения вреда**, которые согласно этому положению Конституции должны устанавливаться законом.

4.2. Часть 1 статьи 61 Конституции устанавливает: “Каждый имеет право на эффективную судебную защиту своих прав и свобод”, а согласно статье 75 Конституции “при регулировании основных прав и свобод законами устанавливаются организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления этих прав и свобод”.

Согласно оспариваемому положению, требование о возмещении нематериального вреда, причиненного вследствие несправедливого осуждения, может быть предъявлено в суд в течение одного года. То есть возможность требования возмещения в судебном порядке ограничена сроком исковой давности.

В связи с ограничением сроков осуществления права Конституционный Суд в своем Постановлении от 06.12.2019 г. ПКС-1495 отметил: “...сроки, установленные гражданским законодательством, преследуют цель не только регламентировать гражданский оборот в аспекте сроков, но и обеспечить возможность реализации субъектами гражданских отношений своих прав, подвигнуть людей исполнять свои обязанности, а также способствовать своевременной защите нарушенных прав”.

В своем Постановлении от 08.10.2013 г. ПКС-1119, анализируя статью 18 Конституции в редакции 2005 года, Конституционный Суд пришел к выводу, что “...на законодательном уровне не должны быть установлены такие правовые механизмы, которые с первого взгляда

выступают как гарантии реализации данного правового механизма, однако в деталях регулирования фактически лишают смысла либо ограничивают эти правовые механизмы”. В то же время Конституционный Суд посчитал, что “...законодательно могут быть выдвинуты определенные требования либо порядок реализации указанных прав может содержать некоторые формальные условия, которые, однако, не должны быть в таком объеме, чтобы сделать неэффективной реализацию этих прав, исказить их суть...”.

Европейский суд по правам человека признал доступность суда неотъемлемой частью права на справедливое судебное разбирательство, создал устойчивую прецедентную практику в связи с правом на доступность суда, согласно которой пункт 1 статьи 6 Конвенции гарантирует право обратиться в суд с иском, связанным с правами и обязанностями человека. Это положение воплощает право на обращение в суд, а именно право на возбуждение иска в суде, которое позволяет пользоваться другими гарантиями, предусмотренными в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Такие характеристики судопроизводства, как справедливость, гласность и скорость, безусловно, не будут иметь цены, если эти процессы не стимулировать.

Что касается ограничения сроков, то Европейский суд по правам человека констатировал, что установленные государством ограничения сроков преследуют определенные важные цели, в частности, гарантирование правовой определенности, защита потенциального ответчика от просроченных исков, в случае которой будет сложно предотвратить несправедливость, которая может возникнуть, если от судов будет требоваться рассматривать имевшие место в далеком прошлом случаи на основании тех доказательств, которые могут быть недостоверными и неполными из-за того, что прошло достаточно много времени. В аспекте ограничения сроков государства также имеют дискреционные полномочия решать, как необходимо ограничивать доступность суда **(решение по делу *Stubbings and Others v. The United Kingdom* номер 22083/93, 22095/93 от 22/10/1996 г.)**.

В своем другом решении упомянутый Суд отметил, что “сам факт того, что требования заявителя должны быть подвергнуты сроку давности, не представляет проблемы с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод **(решение по делу *Zolotas v. Greece* номер 66610/09 от 29.01.2013 г.)**.

4.3. Конституционный Суд констатирует, что согласно Кодексу общий срок исковой давности составляет три года. С другой стороны, именно статья 333 Кодекса, касающаяся специальных сроков исковой давности, устанавливает, что для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком.

Для предъявления требования о компенсации нематериального вреда, причиненного вследствие нарушения основных прав и несправедливого осуждения, законодатель по сравнению с общим сроком установил более короткий специальный срок в один год. В этом аспекте срок в один год необходимо рассматривать с точки зрения равноценности законодательно-организационных предпосылок осуществления права на доступность суда и основного права на судебную защиту.

Конституционный Суд констатирует, что согласно оспариваемому положению, требование о возмещении нематериального вреда, причиненного вследствие нарушения основных прав или несправедливого осуждения, может быть предъявлено в суд вместе с требованием о подтверждении нарушения права, установленного частью 2 статьи 162.1 Кодекса (а именно, право на жизнь, право не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, право на личную свободу и неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни и неприкосновенность жилища, право на свободу мысли, совести и религии, право на свободу выражения мнения, право на свободу собраний и объединений, право на эффективные средства правовой защиты и право собственности), с момента, когда лицу стало известно о нарушении, а также в течение одного года после вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего нарушение этого права, или после того, когда этому лицу стало известно о неотменном или необжалованном решении, принятом следователем или прокурором, об отказе в возбуждении уголовного дела на неоправдываемом основании или неосуществлении уголовного преследования или прекращении производства по уголовному делу или прекращении уголовного преследования.

Учитывая то обстоятельство, что срок в один год для предъявления требования о получении возмещения рассчитывается после того, как лицу, требующему возмещения, стало известно об определенных обстоятельствах, срок, предусмотренный для формулировки и предъявления подобного требования в суд, является разумным.

Помимо того, согласно статье 342 Кодекса, озаглавленной “Восстановление срока исковой давности”, “в исключительных случаях, когда суд признает уважительным пропуск срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут быть признаны уважительными, если они имели место в последние шесть месяцев срока давности...”.

Таким образом, в некоторых установленных законом случаях пропуска годичного срока, перечень которых не является исчерпывающим, допускается его восстановление.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что установление оспариваемым положением годичного срока для предъявления в суд требования о возмещении нематериального вреда не может толковаться как нарушение установленных статьей 75 Конституции требований эффективного осуществления гарантированных Конституцией основных прав на возмещение вреда и судебную защиту, а также вытекающего из них права на доступность суда.

Исходя из вышеизложенного и принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 8 части 1 статьи 169, части 1 и 4 статьи 170 Конституции, а также статьи 63, 64 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 9 статьи 1087.2 Гражданского кодекса соответствует Конституции.
2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. ТОВМАСЯН

16 июня 2020 года

ПКС-1545

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения